

КУРТ

ВОННЕГУТ

ВРЕМЕТРЯСЕНИЕ

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Курт Воннегут
Времетрасение

«АСТ»

1987

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Воннегут К.

Времетрасение / К. Воннегут — «АСТ», 1987 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-109883-4

«В феврале 2001 года случилось невиданное доселе событие – времетрасение, – рассказывает нам один из любимых персонажей автора Килгор Траут. – Вселенная пережила острый приступ неуверенности в себе. Стоит ли ей расширяться бесконечно? За каким дьяволом? Не вернуться ли на пару минут к началу начал, а потом снова устроить Большой Взрыв?» Однако такой поступок требовал слишком большой смелости, и Вселенная вернулась всего на десять лет назад. А люди получили в подарок целых десять лет жизни и шанс переписать ее набело – ведь все ходы заранее известны! Это могли быть идеальные, лучшие десять лет жизни, но изо дня в день, неделю за неделей люди упрямо наступали на старые грабли, в точности повторяя рисунок судьбы...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-109883-4

© Воннегут К., 1987

© АСТ, 1987

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	30
-----------------------------------	----

Курт Воннегут Времетрасение

Kurt Vonnegut
Timequake

© Kurt Vonnegut, 1997

© Перевод. Т. Покидаева, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

*Памяти Сеймора Лоуренса, романтика и величайшего издателя
странных историй, закрепленных чернилами на отбеленной и
раскатанной древесной пульпе.*

*Все персонажи вымышлены. Все совпадения с реальными лицами, ныне здравствующими
и покойными, случайны.*

Пролог

В 1952 году Эрнест Хемингуэй опубликовал в журнале «Life» повесть «Старик и море». В ней рассказывалось о кубинском рыбаке, который за восемьдесят четыре дня не поймал ни одной рыбы. А потом подцепил на крючок гигантского марлина. Старик убил рыбину и привязал ее к борту своей крошечной лодки. Но до берега не довез – акулы объели все мясо.

В то время я жил в Барнстейбле на полуострове Кейп-Код. Я спросил соседа, профессионального рыболова, что он думает о повести Хемингуэя. Сосед сказал, что главный герой явно сглупил. Ему надо было сразу же разделать марлина, срезать лучшие куски мяса и сложить их в лодке, а все остальное отдать на съедение акулам.

Вполне вероятно, что в образе этих акул Хемингуэй вывел критиков, не оценивших его первый после десятилетнего перерыва роман «За рекой, в тени деревьев», опубликованный двумя годами ранее. Насколько я знаю, он никогда не говорил ничего такого. Но марлин из повести «Старик и море» вполне мог быть этим романом.

А потом, зимой 1996 года, я вдруг обнаружил, что написал книгу, которая категорически не получилась, в которой не было смысла и которая, уж если на то пошло, вообще не хотела, чтобы ее написали. *Merde!*¹ Почти десять лет я гонялся за этой неблагодарной рыбиной. А она не годилась даже на приманку для акул.

Недавно мне исполнилось семьдесят три. Моя мать дожила до пятидесяти двух, отец – до семидесяти двух. Хемингуэй чуточку не дотянул до шестидесяти двух. Я определенно зажился на этом свете! И что было делать?

Ответ: Разделать рыбину. Срезать лучшее мясо, остальное – выкинуть.

Этим я и занимался все лето и осень 1996-го. Вчера, 11 ноября сего года, мне исполнилось семьдесят четыре. Семьдесят четыре!

Йоганнес Брамс бросил писать симфонии в пятьдесят пять. Довольно! Моего отца, архитектора, в те же пятьдесят пять уже буквально тошнило от архитектуры. Довольно! К своим

¹ Дерьмо! (фр.)

пятидесяти пяти годам все ведущие американские романисты уже создали свои лучшие вещи. Довольно! Я сам давно миновал этот рубеж. Имейте совесть!

Моя огромная рыбина, которая и воняла под стать размерам, называлась «Времетрасение». Здесь мы ее назовем «Времетрасение-1». А эту книгу, эту густую похлебку из лучших филейных кусков, перемешанных с мыслями и впечатлениями за последние семь с лишним месяцев, обозначим, как «Времетрасение-2».

Договорились?

Основная идея «Времетрасения-1» была такая: в результате внезапного сбоя в пространственно-временном континууме течение времени нарушилось, и нам пришлось еще раз пережить все последнее десятилетие – причем в точности повторяя все то, что мы делали в эти годы, хотим мы того или нет. Это было *deja vu* продолжительностью в десять лет. И ты ничего не мог сделать. Не мог возмутиться, что все повторяется и ничего нового не происходит. Не мог даже задаться вопросом, в чем дело: то ли ты один сходишь с ума, то ли с ума сходят *все сразу*.

Во время этого повторного десятилетия ты мог сказать или сделать лишь то, что уже говорил или делал на «первом круге». Ты не мог ничего изменить. Не мог даже спасти свою жизнь или жизнь близкого человека, если ты не сумел этого в первый раз.

Это внезапное времетрасение вмиг перебросило всех и вся из 13 февраля 2001 года в 17 февраля 1991-го. И потом нам пришлось возвращаться обратно в 2001 год, минута за минутой, день за днем, год за годом. Мы снова ставили не на ту карту, женились не на той женщине, наступали на те же грабли, заражались все тем же триппером. Всего и не перечислишь!

И лишь дожив до момента, когда ударило времетрасение, люди перестали быть роботами, автоматически повторяющими свое прошлое. Как сказал старый писатель-фантаст Килгор Траут: «Когда их снова пришибло свободой воли, только тогда они остановились и прекратили свой бег с препятствиями, которые сами же и понастроили».

Траута не существует на самом деле, это вымышленный персонаж. Он был моим *alter ego* в нескольких предыдущих романах. Но большинство из того, что я решил сохранить и оставить от «Времетрасения-1», так или иначе связано с его приключениями, переживаниями и размышлениями. Я спас от забвения пару-тройку его рассказов – из нескольких тысяч вещей, которые он написал между 1931 годом, когда ему было четырнадцать, и 2001 годом, когда Траут покинул нас в возрасте восьмидесяти четырех лет. Почти всю жизнь он был бездомным бродягой, а умер в роскошных апартаментах имени Эрнеста Хемингуэя в доме отдыха для престарелых писателей «Занаду» в курортном местечке Пойнт-Зайон, штат Род-Айленд. И это не может не радовать.

Незадолго до смерти, буквально на смертном одре, Траут сказал мне, что в его самом первом рассказе действие происходит в Камелоте, при дворе короля Артура. Придворный маг Мерлин применяет свое колдовское искусство и вооружает рыцарей Круглого стола автоматами Томпсона, заряженными патронами 45-го калибра с разрывными пулями дум-дум.

Доблестный сэр Галахад, чистейший помыслами и сердцем, пытается разобраться с этим новым орудием принудительного торжества добродетели – и в результате разносит вдребезги Священный Грааль и превращает в решето королеву Гвиневру.

Вот что сказал Траут, когда понял, что десятилетний повтор завершился, и теперь ему лично и всем остальным снова придется придумывать, что делать дальше, и проявлять изобретательность и творческую смекалку: «О Боже! Опять играть в русскую рулетку со свободой воли?! Староват я уже для таких развлечений».

Кстати, я тоже выступил персонажем во «Времетражении-1», появился в эпизодической роли на морском пикнике в доме отдыха для престарелых писателей «Занаду» летом 2001 года, через полгода после завершения «второго круга» – через полгода после того, как нас всех снова пришло свободой воли.

Я был там, на пляже, в компании нескольких вымышленных персонажей из книги, включая и Килгора Траута. Мне посчастливилось лично присутствовать при том, как старый, давно не издававшийся писатель-фантаст разъяснил нам, а после и продемонстрировал, почему мы, земляне, занимаем особое место в структуре Вселенной.

В общем и целом, за исключением этого предисловия, моя последняя книга готова. Сегодня 12 ноября 1996 года. До публикации ждать, я так думаю, месяцев девять. Девять месяцев до выхода в свет через родовые пути печатного прессы. А куда торопиться? Беременность у индийских слонов длится в два раза дольше.

А у опоссумов, дорогие друзья и соседи, беременность длится двенадцать дней.

В этой книге я умудрился дожить до 2001 года и побывать на пикнике в «Занаду». В 46-й главе я вообразил, что дотяну даже до 2010 года. Иногда я говорю, что нахожусь в 1996-м, то есть здесь и сейчас, иногда – что живу по «второму кругу» после времетрасения, причем я не делаю четких различий между этими двумя временами.

Должно быть, я сбрендил.

1

Зовите меня Младшим. Мои шестеро взрослых детей так и делают. Трое – усыновленные племянники, трое – свои, родные. За глаза все шестеро зовут меня Младшим. Думают, я не знаю.

Я всегда говорю на своих выступлениях, что основная задача художника – сделать так, чтобы люди научились хотя бы немного радоваться жизни. А когда меня просят назвать художников, которые справились с этой задачей, я отвечаю: «Битлз».

По-моему, самые высокоразвитые существа на Земле считают жизнь штукой обременительной и неудобной, если не хуже. Мы не будем вдаваться в крайности и вспоминать идеалистов, распятых на кресте. Но две женщины, сыгравшие важную роль в моей жизни, мама и старшая сестра Алиса, или Элли – обе теперь на Небесах, – ненавидели жизнь и никогда этого не скрывали. Элли часто повторяла: «Я больше не выдержу! Я не выдержу!»

Марк Твен, в свое время – самый смешной американский писатель, считал свою жизнь, как и жизнь всех остальных, настоящим кошмаром. Когда ему было за семьдесят, как мне сейчас, он написал: «С тех пор как я повзрослел, мне ни разу не захотелось вернуть к жизни кого-то из моих покойных друзей». Это он написал через несколько дней после внезапной смерти дочери Джин. Среди тех, кого Твен никогда бы не стал возвращать к жизни, были и Джин, и другая его дочь, Сьюзи, и любимая жена, и его лучший друг Генри Роджерс.

Вот что Твен думал о жизни, а ведь он не дожил до Первой мировой войны.

Даже Иисус говорил о том, как ужасно устроена жизнь. Вспомним Нагорную проповедь: «блаженны плачущие», «блаженны кроткие», «блаженны алчущие и жаждущие правды».

А вот знаменитые слова Генри Дэвида Торо: «Большинство людей ведет безнадежное существование. То, что зовется смирением, на самом деле есть убежденное отчаяние».

Поэтому неудивительно, что мы отравляем воду и воздух и землю и создаем все более мощные и изощренные машины Судного дня, способные уничтожить всю жизнь на планете.

Давайте хотя бы раз в жизни не будем лукавить. Давайте признаемся честно: мы все ждем не дождемся, когда придет конец света. Моего отца, Курта-старшего, архитектора из Индианаполиса, человека, больного раком, вдовца, чья жена покончила с собой пятнадцать лет назад, как-то раз остановили за то, что он проехал на красный свет. Вот тут-то и выяснилось, что у него уже двадцать лет как просрочены водительские права!

Знаете, что он сказал полицейскому?

Он сказал: «Ну, пристрелите меня».

У чернокожего джазового пианиста Фэтса Уоллера была одна фраза, которую он выкрикивал всякий раз, когда играл по-настоящему классно. Вот эта фраза: «Кто-нибудь, пристрелите меня, пока мне хорошо!»

Пока у нас существуют такие вещи, как огнестрельное оружие – а в обращении оно не сложнее зажигалки, и стоит немногим дороже тостера, и еще неизвестно, в чьи руки оно попадет, и любой психопат может запросто взять пистолет и застрелить моего отца, или Фэтса, или Авраама Линкольна, или Джона Леннона, или Мартина Лютера Кинга, или женщину с детской коляской, – так вот, пока существуют такие вещи, всякому мало-мальски разумному человеку должно быть ясно: при таком положении дел нам не нужно других подтверждений, что «жизнь – это форменное дерьмо», как любил повторять старый фантаст Килгор Траут.

2

Представьте себе: крупный американский университет распускает свою футбольную команду – и это нормально. Территорию неиспользуемого стадиона отдают под эксперименты с атомной бомбой. По-вашему, это нормально? Килгор Траут, как он есть!

Я говорю о своей альма-матер, Чикагском университете. В декабре 1942-го, за несколько лет до моего поступления, под трибунами университетского стадиона ученые запустили первую в мире цепную ядерную реакцию, чтобы экспериментально подтвердить возможность создания атомной бомбы. Мы воевали с Германией и Японией.

Пятьдесят три года спустя, 6 августа 1995-го, в здании университетской церкви состоялось большое собрание по случаю пятидесятилетней годовщины взрыва первой атомной бомбы. Над японским городом Хиросимой. Я тоже присутствовал на этом собрании.

Среди выступавших был физик Лео Серен, один из тех, кто полвека назад подготовил и осуществил успешный эксперимент под трибунами опустевшего футбольного стадиона. А теперь вдумайтесь: он *извинялся* за то, что сделал!

Ему никто не сказал, что на этой планете, где самые умные животные так ненавидят жизнь, физику не за что извиняться.

Теперь представьте себе: человек создает водородную бомбу для этих параноиков в Советском Союзе, доводит ее до ума, чтобы она точно сработала, если что, а потом получает Нобелевскую премию! История вполне в духе Килгора Траута. Но такой человек был в действительности. Я говорю о ныне покойном физике Андрее Сахарове.

В 1975 году ему присудили Нобелевскую премию мира за активные выступления с требованием прекратить испытания ядерного оружия. Ну, да. *Свою* водородную бомбу он к тому времени уже испытал. Его жена была детским врачом! Что же это за люди? Как мужчина, женатый на женщине, которая лечит больных детей, может работать над усовершенствованием водородной бомбы? Как женщина врач-педиатр может жить с человеком, до такой степени ненормальным?

– Солнышко, как у тебя на работе? Все хорошо?

– Все отлично. Бомба практически готова. А как у тебя? Тот малыш, у которого ветрянка, пошел на поправку?

* * *

В 1975 году Андрей Сахаров был своего рода святым. Теперь, с окончанием холодной войны, это как-то забылось. Он был советским *диссидентом*. Призывал запретить разработку и испытания ядерного оружия, а также требовал больше свобод для своего народа. Его исключили из академии наук. Выслали из Москвы на какой-то крошечный полустанок посреди вечной мерзлоты.

Ему не дали возможности выехать в Осло, чтобы получить Нобелевскую премию лично. Премию за Андрея Сахарова получила его жена, врач-педиатр Елена Боннэр. Но не пора ли задаться вопросом, кто больше достоин Премии мира: детский врач – и вообще любой врач – или человек, приложивший руку к созданию водородной бомбы, для какого угодно правительства, по каким бы то ни было соображениям?

Права человека? А водородную бомбу волнуют права человека? Водородную бомбу волнуют права хоть каких-то форм жизни?

В июне 1987 года Сахарову присудили почетную степень доктора гуманитарных наук и должны были вручить диплом Колледжа Стейтен-Айленд в Нью-Йорке. Его снова не выпустили из СССР, и он не смог лично присутствовать на церемонии. Меня попросили выступить от его имени.

Мне нужно было всего лишь озвучить его обращение. Вот такое: «Не отказывайтесь от атомной энергии». Я произнес это, как робот.

Я был вежлив донельзя! А ведь прошло чуть больше года после самой убийственной ядерной катастрофы за всю историю нашей безумной планеты – после той страшной аварии на Чернобыльской атомной электростанции на Украине. При таком выбросе радиации у детей на всем севере Европы еще много лет будут серьезные – очень серьезные – проблемы со здоровьем. Сколько работы для детских врачей!

Меня лично этот нелепый призыв академика Сахарова обнадежил значительно меньше, чем поступок пожарных из города Скенектади, штат Нью-Йорк, где я когда-то работал. После известия о катастрофе в Чернобыле пожарные из Скенектади написали письмо своим братьям по цеху, работавшим на ликвидации последствий аварии – написали о том, как они восхищаются и гордятся самоотверженной храбростью этих людей, которые спасали чужие жизни и чужое имущество, не заботясь о собственной безопасности.

Ура пожарным!

Кем бы ни были эти люди в обычной жизни – да пусть хоть законченными подонками, – в критической ситуации все они могут вести себя, как святые.

Ура пожарным.

3

Во «Времетраении-1» Килгор Траут написал рассказ про атомную бомбу. Из-за времетрасения ему пришлось написать его дважды. Напоминаю: из-за сбоя во времени ему, мне, *вам* и всем остальным пришлось вернуться на десять лет в прошлое и еще раз прожить уже прожитые десять лет – с 17 февраля 1991 года до 12 февраля 2001 года – причем в точности повторяя все то, что мы делали и говорили на первом круге.

Траут был не против написать этот рассказ еще раз. Что в первый раз, что во второй, жизнь как была дерьмом, так и осталась, но пока он сидел, сгорбившись над блокнотом, и

выводил слова на разлинованных желтых листах, он от всего отключался и выпадал из дермовой действительности.

Он назвал свой рассказ «Ничего смешного». Его никто не читал. Траут сразу же выбросил рукопись на помойку. А потом выбросил еще раз – после времетрасения. На пикнике на морском берегу, в самом конце «Времетрасения-1», летом 2001 года, когда нас снова пришибло свободой воли, Траут вспомнил обо всех рассказах, которые он разорвал на мелкие кусочки и спустил в унитаз или попросту выкинул на помойку, и сказал так: «Бог дал, Бог взял».

Но вернемся к рассказу «Ничего смешного». Эту фразу, давшую название произведению, произносит один из героев – главный судья – на совершенно секретном заседании военного трибунала над экипажем американского бомбардировщика «Гордость Джой». Действие происходит на острове Баналулу в Тихом океане, через месяц после окончания Второй мировой войны.

С самим самолетом все было в порядке. Он стоял целый и невредимый в ангаре, там же на Баналулу. Его называли «Гордостью Джой» в честь матери первого пилота, Джой Питерсон, которая работала медсестрой в родильном отделении одной из больниц в городе Корпус-Кристи, штат Техас. Кстати, в английском языке слова «гордость» и «прайд», то есть львиная семья, звучат и пишутся одинаково – *pride*.

Так вот, американские летчики уже сбросили две атомные бомбы, первую – на Хиросиму, вторую – на Нагасаки, а «Гордость Джей» должен был сбросить третью – на Иокогаму, на парочку миллионов «узкоглазых желтожопых ублюдков». Узкоглазых желтожопых ублюдков тогда называли именно «узкоглазыми желтожопыми ублюдками». Война есть война. Килгор Траут описал эту третью бомбу так: «здоровенная багровая дура размером с бойлер в школьной котельной».

Она была слишком большая и не пролезала в бомболюк. Пришлось подвесить ее прямо под брюхом самолета, и когда «Гордость Джой» разогнался, чтобы взмыть в бескрайнюю синюю высь, расстояние между бомбой и взлетно-посадочной полосой было не больше фута.

И вот самолет приближается к цели. Первый пилот рассуждает вслух – и все это слышно по системе двусторонней связи, – что, когда они выполнят задание, его мама, медсестра родильного отделения, тут же прославится на всю страну. Бомбардировщик «Энола Гей» и женщина, в честь которой его называли, сделались знаменитыми, как кинозвезды, когда самолет сбросил на Хиросиму первую атомную бомбу. А население Иокогамы было в два раза больше, чем население Хиросимы и Нагасаки, вместе взятых.

Но чем больше пилот думал об этом, тем вернее убеждался, что его мама – самая добрая, самая лучшая мама на свете – никогда не скажет репортерам, что ей радостно осознавать, что самолет, управляемый ее сыном, установил мировой рекорд по количеству мирных жителей, убитых одновременно.

История Траута напоминает мне один случай из жизни. Моя ныне покойная двоюродная бабка Эмма Воннегут однажды сказала, что ненавидит китайцев. Ее ныне покойный зять Керфут Стюарт, владелец книжного магазина «У Стюарта» в Луисвилле, штат Кентукки, тогда пристыдил ее и сказал, что это *безнравственно* – ненавидеть столько людей сразу.

Вот такие дела.

Экипаж «Гордости Джой» поддержал своего командира. Все, кто был в самолете – они испытывали те же самые чувства. Они были в небе одни. Они не нуждались в сопровождении. У японцев уже не осталось ни одного самолета. Война закончилась, осталось только оформить

все необходимые документы. Возможно, она завершилась еще до того, как «Энола Гей» кремировала Хиросиму.

Процитируем Килгора Траута: «Это была не война, уже не война. И уничтожение Нагасаки – это тоже была не война. Это было показательное: «Спасибо янки! Вы хорошо потрудились!» Это был просто *спектакль*».

Траут писал в «Ничего смешного», что раньше, во всех предыдущих вылетах, первый пилот и стрелок-бомбардир ощущали себя богами, когда сбрасывали на людей всего-навсего зажигательные бомбы или обычные фугасы. «Но они ощущали себя богами с маленькой буквы, – писал Килгор Траут. – Мелкими божками, которые только мстят и разрушают. А теперь, совершенно одни в целом небе, с этой здоровенной багровой душой, подвешенной под брюхом их самолета, они вдруг ощутили себя самим Господом Богом, самым главным небесным начальством, а значит, у них появился выбор, которого не было раньше, ибо Бог может быть *милосердным*».

Траут и сам воевал во Второй мировой войне, но не в авиации и не на Тихом океане. Он был артиллерийским разведчиком, передовым наблюдателем полевой артиллерии в Европе, лейтенантом с биноклем и рацией, который идет впереди батареи с пехотой, а иногда – даже опережая пехоту, и сообщает артиллеристам, куда бить фугасами, разрывными снарядами или чем там еще они бьют.

Сам Траут уж точно не проявлял милосердия и, по его собственным словам, не считал это необходимым. Я спросил его на пикнике в 2001 году, в доме отдыха для престарелых писателей «Занаду», что он делал во время войны, которую называл «второй неудачной попыткой западной цивилизации покончить с собой».

Он ответил без всякого сожаления: «Я делал сэндвичи из немецких солдат: укладывал их между вздымающейся землей и расколотым небом, сметая бурей из бритвенных лезвий».

Пилот «Гордости Джой» развернул самолет. Здоровенная багровая дура по-прежнему висела под днищем. Пилот возвращался на Баналулу. Почему? «Потому что, – писал Килгор Траут, – он знал: его маме хотелось бы, чтобы ее сын поступил именно так».

Потом был трибунал. И в какой-то момент всех, кто присутствовал в зале, скопил приступ неудержимого смеха. Главному судье пришлось стучать молотком и призывать всех к порядку. Он заявил, что в действиях подсудимых нет «ничего смешного». А рассмешил всех рассказ прокурора о том, как повели себя люди на базе, когда «Гордость Джой» зашел на посадку с этой самой здоровой багровой душой, подвешенной под брюхом. Расстояние между бомбой и взлетно-посадочной полосой было не больше фута. Люди выпрыгивали из окон. Люди были напуганы до усрачки – в буквальном смысле.

«Произошло множество столкновений между самыми разными видами транспорта», – писал Килгор Траут.

Едва судья восстановил хоть какое-то подобие порядка, как на дне Тихого океана раскрылась гигантская трещина, в которую ухнули и Баналулу, и трибунал, и «Гордость Джой», и неиспользованная атомная бомба, и все остальное.

4

Когда Гюнтер Грасс, замечательный немецкий романист, скульптор и график, узнал, что я родился в 1922 году, он сказал мне: «В Европе уже не осталось мужчин твоих лет». Во время Второй мировой войны – моей войны и войны Килгора Траута – он сам был еще маленьким. Как и Эли Визель, Ежи Косински, Милош Форман и многие другие. Мне повезло: я родился

здесь, а не там, – у белых родителей среднего класса, в доме, полном книг и картин, в большой семье с кучей близкой и дальней родни. Этой семьи больше нет.

На литературных чтениях этим летом поэт Роберт Пинский извинился за то, что его жизнь сложилась намного лучше, чем обычная «нормальная жизнь». Это был явный намек. Наверное, мне тоже следует извиниться.

Во всяком случае, в прошлом мае я воспользовался возможностью сказать «спасибо» родному городу. В своем выступлении на встрече выпускников Университета Батлера я сказал так: «Если бы я мог выбирать, как прожить жизнь еще раз, я бы не стал ничего менять. Я бы снова родился в Индианаполисе, и провел детство и юность в том же доме № 4365 на Норт-Иллинойс-стрит, в десяти кварталах отсюда, и снова учился бы в той же школе.

Я бы опять посещал семинары по бактериологии и качественному анализу на летних курсах в Университете Батлера.

Здесь было все. Все для меня, все для вас. Для каждого, кто проявлял интерес. Все самое лучшее и самое худшее, что есть в западной цивилизации: музыка, управление, финансы, архитектура, право, скульптура, изобразительное искусство, история, спорт, медицина, всевозможные науки, и книги, книги, книги, и учителя, и примеры для подражания.

Здесь были люди, невероятные люди. Поразительно умные и поразительно тупые. Поразительно славные и поразительно гнусные».

А еще я дал совет. Я сказал: «Мой дядя Алекс Воннегут, выпускник Гарварда, страховой агент, проживавший по адресу: Норт-Пенсильвания-стрит, дом 5033, научил меня очень простой, но действительно важной вещи. Он говорил, что мы почему-то не замечаем, когда случается что-то хорошее. А ведь хорошее стоит того, чтобы на него *обратили внимание*.

Он говорил не о каких-то великих свершениях, а о самых простых, повседневных вещах: когда пьешь лимонад в жаркий полдень в теничке, или вдруг чувствуешь запах свежего хлеба из булочной, или сидишь ловишь рыбу, и тебя не волнует, поймал ли ты что-нибудь или нет, или слышишь, как где-то в соседнем доме кто-то по-настоящему классно играет на пианино.

Дядя Алекс втолковывал мне, что в моменты таких прозрений обязательно надо сказать вслух и с чувством: «Как же здорово, правда?»

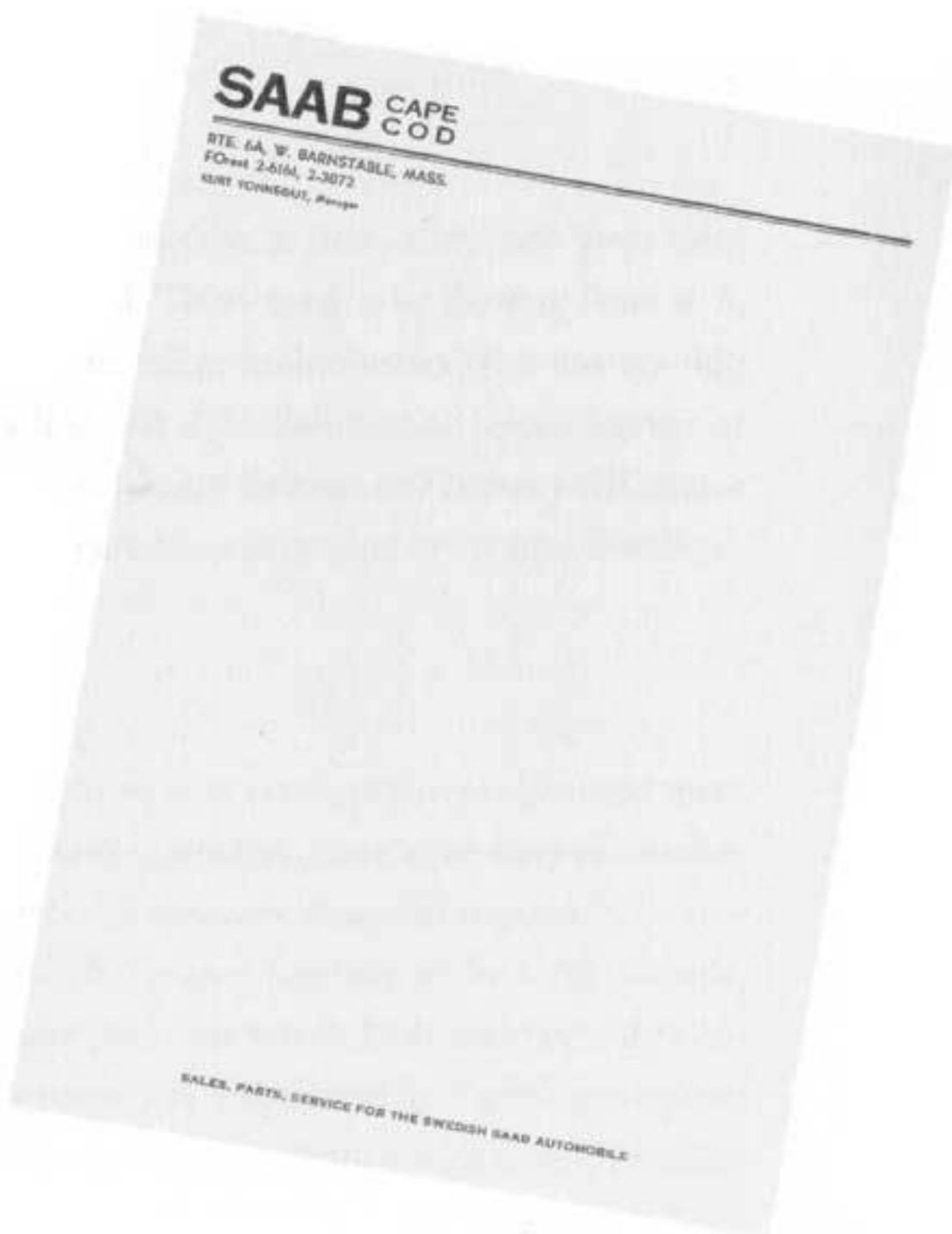
Мне повезло и в том смысле, что в мои первые тридцать лет жизни написание историй чернилами на бумаге считалось в Америке чуть ли не отраслью производства, причем одной из ведущих. И хотя я в то время уже был женат, и у нас было двое детей, я подсчитал, что мне будет выгоднее уйти из рекламного отдела «General Electric», где у меня была медицинская страховка и пенсионное обеспечение. Я мог заработать намного больше, продавая рассказы в «The Saturday Evening Post» или «Collier's», еженедельные журналы, где было много рекламы и где в каждом номере публиковали по пять рассказов и очередную главу какого-нибудь бесконечного романа с продолжением.

И это были не единственные журналы, где покупали мои изделия. Просто там больше платили. А вообще печатных изданий, алчущих беллетристики, было так много, что рынок литературного рассказа напоминал пинбольную машину. Отсылая агенту очередной рассказ, я мог даже не сомневаться, что кто-нибудь его обязательно купит – даже если сначала его «завернут» в добром десятке издательств.

Но вскоре после того, как я перевез семью из Скенектади, штат Нью-Йорк, на Кейп-Код, все изменилось. Рекламодатели, на которых держались журналы, толпами ринулись на телевидение, и зарабатывать на жизнь игрой в литературный пинбол стало проблематично.

Я устроился в агентство промышленной рекламы и ежедневно мотался из Кейпа в Бостон и обратно. Потом работал торговым агентом в Saab'е, потом – учителем английского в частной школе для безнадежно дремучих детишек богатых родителей.

Этим летом у моего сына, доктора медицины Марка Воннегута, который написал совершенно шикарную книгу о том, как он буйно сходил с ума в шестидесятые годы, а потом окончил Гарвардскую медицинскую школу, прошла выставка акварелей в городе Милтон, штат Массачусетс. Кто-то из журналистов спросил его о впечатлениях детства: трудно ли было быть сыном знаменитого отца?

Марк ответил: «Когда я был маленьким, мой отец торговал автомобилями и безуспешно пытался устроиться преподавателем в колледж низшей ступени в Кейп-Коде».

5

Я до сих пор иногда сочиняю рассказы, как будто на них все еще можно что-нибудь заработать. Привычка – вторая натура. Когда-то рассказ, напечатанный в журнале, приносил автору громкую, пусть даже и мимолетную славу. Высокообразованные интеллектуалы горячо обсуждали каждое новое произведение Рэя Брэдбери и Дж. Д. Сэлинджера, Джона Чивера и Джона Кольера, Джона О'Хары и Ширли Джексон, и Фланнери О'Коннор, и любого другого автора, чей рассказ выходил в свежем номере.

Но то было раньше.

Сейчас я уже не вожусь с каждым рассказом подолгу. Если приходит какая-то идея, я по быстрому набрасываю сюжет, передаю авторство Килгору Трауту и вставляю рассказ в роман. Вот начало одного из таких кусков, срезанных с разделанной тушки «Времетрасения-1». Рассказ называется «Сестрички Б-36». «На матриархальной планете Бубу в Туманности Краба жили-были три сестры по фамилии Б-36. Совпадение с названием военного самолета, построенного на планете Земля для того, чтобы сбрасывать бомбы на мирных граждан стран с коррумпированным правительством, разумеется, было случайным. Земля и Бубу находились слишком далеко друг от друга. Никакой связи между планетами не было и быть не могло».

И еще одно необъяснимое совпадение: письменный язык на Бубу был похож на земной английский – в том смысле, что он оформлялся в виде расположенных горизонтальными линиями своеобразных конструкций, составленных из двадцати шести фонетических знаков, десяти цифр и приблизительно восьми знаков препинания.

Все три сестры были красивы, продолжал Траут, но только две из них пользовались популярностью и вызывали симпатии у окружающих. Одна сочиняла рассказы, вторая писала картины. А третью сестру – она занималась наукой – никто не любил. Она была такой *нудной*! Не могла говорить ни о чем другом, кроме термодинамики. Она втайне завидовала своим артистичным сестрицам и только и думала, что бы ей сделать такого, чтобы им, как любил выражаться Траут, стало «тухло и дохло».

Траут писал, что бубуане относились к наиболее легко адаптирующимся формам жизни во всем галактическом скоплении. Эта способность развилась у них благодаря замечательному свойству мозга, который можно было запрограммировать совершать или не совершать определенные действия – и испытывать или не испытывать определенные чувства – в приложении практически к любому аспекту жизни.

Программирование осуществлялось без всякого хирургического вмешательства, без электрических импульсов или любого другого неврологического воздействия. Все происходило в процессе *общения*, исключительно через беседы, беседы и еще раз беседы. При любом подходящем случае взрослые рассказывали малышам, какие чувства и действия считаются правильными и желательными. Детский мозг приучался мыслить в заданном направлении, и в итоге в нем формировались особые цепи, отвечавшие за правильное поведение, которое доводилось до уровня рефлексов. Точно так же, на уровне рефлексов, формировались желания, связанные с получением удовольствия.

Это было полезное свойство. Например, если не происходило ничего интересного, бубуане не томились от скуки, а легко приходили в восторг под воздействием самых незамысловатых стимулов, как то: расположенных горизонтальными линиями своеобразных конструкций,

составленных из двадцати шести фонетических знаков, десяти цифр и приблизительно восьми знаков препинания, или пятен пигмента на плоских поверхностях, вставленных в рамы.

Когда малыш читал книжку, кто-то из взрослых мог попросить его на минуточку оторваться и поговорить о прочитанном. «Грустно, правда? – спрашивал взрослый. – Такой славный у девочки был щенок. А его переехал мусоровоз. Тебе, наверное, хочется плакать?» А если история была веселой, взрослый говорил так: «Правда, смешно? Когда этот самодовольный, чванливый богач поскользнулся на *ним-нимовой* коже и свалился в открытый люк, ты, наверное, чуть не лопнул от смеха?»

Ним-нимом на Бубу называли фрукт, похожий на наш банан.

Когда малыша приводили в картинную галерею, его могли спросить, что он думает по поводу той или иной картины. Например, эта женщина: она улыбается по-настоящему? Может быть, она чем-то расстроена, но все равно улыбается, чтобы не подавать виду? Как тебе кажется, она замужем? У нее есть ребенок? Она его любит? Куда она сейчас идет? Как ты думаешь, она хочет туда идти?

Если на картине была ваза с фруктами, взрослый мог сказать: «Смотри, какие *ним-нимы*! Как настоящие! Прямо вот взял бы и съел. Ням-ням-ням!»

Эти примеры педагогических технологий, принятых на Бубу, придумал не я. Все вопросы – к Килгору Трауту.

Так в мозгу большинства бубуан – большинства, но не всех поголовно – формировались особые цепи, даже целые микросхемы, отвечавшие за развитие *воображения*, как это называли бы на Земле. Да, именно потому, что подавляющее большинство бубуан обладали развитым воображением, на Бубу так любили двух сестер Б-36, писательницу и художницу.

Злая сестра не была лишена воображения. В этом смысле у нее все было в порядке, просто она категорически не понимала искусство. Она не читала книг, не ходила в музеи. С самого раннего детства она проводила каждую свободную минутку в саду психиатрической клиники, расположенной по соседству. Считалось, что психи – существа безобидные, и взрослые не возражали, чтобы девочка с ними общалась, тем более что сострадание к несчастным больным – это во всех отношениях похвально. А сумасшедшие научили ее термодинамике, дифференциальному исчислению и еще многому в том же роде.

Когда злая сестра подросла, она вместе с психами придумала телекамеры, передатчики и приемники. Потом взяла деньги у своей очень богатой мамы и наладила массовое производство этих бесовских машин, так что потребность в развитии воображения стала уже не нужна. Телевидение сразу же обрело бешеную популярность, потому что оно было так увлекательно – прямо не оторваться, – и к тому же во время просмотра не было необходимости думать своей головой, нагружая мозги.

Эта третья сестра заработала кучу денег, но больше всего ее грела мысль, что ее двум сестрицам так стало тухло и дохло. Молодые бубуане больше не видели смысла развивать свое воображение. Зачем напрягаться, если можно просто включить телевизор, и тебе все покажут. Они смотрели на отпечатанную страницу или на картину и искренне не понимали, как кто-то мог прибаваться по таким незатейливым, скучным и мертвым вещам.

Злую сестру звали Ним-Ним. Родители, давшие ей это сладкое имя, не могли себе даже представить, что выйдет из их милой девочки. И телевидение – это еще полбеда! Ее по-прежнему никто не любил, потому что она оставалась такой же занудой. Ее никто не любил, и поэтому она придумала автомобиль и компьютер, огнемёт и колючую проволоку, пулемет и фугасную мину, и еще много чего другого. Вот как сильно она обозлилась.

Новые поколения бубуан подрастали при полном отсутствии воображения. Их потребности в развлечениях, разгоняющих скуку, полностью удовлетворялись той дрянью, которую им впаривала Ним-Ним. А что такого? Подумаешь!

Воображение у бубуан атрофировалось за ненужностью, и они постепенно утратили способности своих предков и разучились читать интересные, волнующие истории и делиться друг с другом радостью. Так, по словам Килгора Траута, «они превратились в самых жестоких созданий во всем галактическом скоплении».

6

На пикнике летом 2001 года Траут сказал, что жизнь – совершенно нелепая штука. Сплошные дурацкие ляпы и нескончаемая клоунада. «Но наш мозг обладает счастливой способностью приспосабливаться ко всему, – продолжал он, – что позволяет нам примириться с этим цирком абсурда. И особенно – вот в такие мгновения чистой радости, которую мы создаем своими руками». Он имел в виду пикник на морском берегу под звездным небом. Он сказал: «Как же здорово, правда?»

Он заявил, что кукуруза в початках, сваренная на пару вместе с водорослями, омарами и моллюсками, просто *божественна*. Он добавил: «Сегодня все женщины похожи на *ангелов!*» Он упивался кукурузой в початках и женщинами, исключительно как воплощением *идеала*. Он не мог есть кукурузу, потому что у него шаталась верхняя вставная челюсть. У него совершенно не складывались длительные отношения с женщинами. Каждый раз это была катастрофа. Траут никогда не писал о любви, даже и не пытался. Лишь однажды он сделал любовный рассказ под названием «Поцелуй меня снова», и там были такие слова: «Красивая женщина патологически не способна к внутреннему соответствию своей красоте».

А мораль рассказа такая: «Все мужчины – придурки. Все женщины – психопатки».

Для меня самой главной из всех чистых радостей, которые мы создаем своими руками, всегда был театр. Траут называл театральные постановки «рукотворными времетрасениями». Он говорил: «Земляне сами придумали времетрасения, еще до того, как узнали, что такие явления существуют в природе». И это правда. Когда поднимается занавес и начинается первая сцена первого акта, актеры заранее знают, что будут делать, и что говорить, и как все закончится, хорошо или не очень. Но у актеров на сцене нет выбора: им приходится отыгрывать свои роли, как будто они ничего не знают. Как будто им неизвестно, что будет дальше.

Да, когда времетрасение 2001 года отбросило всех нас обратно в 1991-й, десять лет прошлого превратились в десять лет будущего, и мы уже знали все наперед, и в нужный момент могли вспомнить, что нам сейчас надо делать и что говорить.

Так что при следующем времетраении имейте в виду: *шоу продолжается!*

Из всех рукотворных времетрасений, которые мне довелось посмотреть в этом году, больше всего меня тронула постановка «Нашего городка», достаточно старой пьесы сочинения покойного Торнтона Уайлдера. Я видел ее уже пять или даже шесть раз – и каждый раз получал истинное удовольствие. А потом, минувшей весной, этот невинный сентиментальный шедевр поставили в школе у дочери, и моей тринадцатилетней Лили досталась роль говорящего мертвеца на кладбище в Гроверс-Корнерс.

Как только начался спектакль, Лили и одноклассников перебросило в прошлое. Из того вечера в школьном театре – в 7 мая 1901 года! Времетрасение! Все участники представления превратились в роботов в воображаемом прошлом Торнтона Уайлдера. И только после похорон Эмили в самой последней сцене, когда опустился финальный занавес, они сумели вернуться

обратно в 1996 год. Только тогда к ним вернулась способность решать, что им делать и что говорить. Только тогда к ним вернулась свобода воли.

В тот вечер, глядя, как Лили изображает на сцене взрослую мертвую женщину, я с грустью размышлял о том, что мне будет семьдесят восемь, когда она окончит школу, и восемьдесят два – когда Лили окончит колледж, и так далее. Кстати, вот вам, пожалуйста: воспоминание о будущем!

Но что меня больше всего поразило в тот вечер, так это прощание Эмили в последней сцене, уже после того, как ее похоронили, и скорбящие спустились с холма и вернулись в деревню. Она говорит: «Прощай, прощай, белый свет! Прощай, Гроверс-Корнерс... мама, папа... Прощай, тиканье часов... И мамины подсолнухи... И еда, и кофе, и вечно подгоревший бекон... И свежееглаженные платья, и горячая ванна... и сон, и пробуждение. О земля, ты слишком прекрасна, чтобы кто-нибудь мог понять, какая ты! Есть такие люди, которые понимают, что такое жизнь, пока они живы? В каждый, каждый миг жизни?»²

В каком-то смысле я сам становлюсь Эмили каждый раз, когда слышу этот монолог. Я еще не умер, но есть одно место – такое же с виду понятное и простое, такое же славное и безопасное, каким был городок Гроверс-Корнерс на рубеже веков, с тиканьем часов, с мамой и папой, с горячими ваннами, свежееглаженной одеждой и со всем остальным – место, с которым я тоже уже попрощался. Давным-давно.

Я скажу вам, что это за место: первые семь лет моей жизни. А потом грянула Великая депрессия, а после нее – Вторая мировая война, и все встало раком.

Говорят, что когда человек стареет, у него первым делом слабеют ноги или садится зрение. Это неправда. Первым делом напрочь теряется навык параллельной парковки.

И теперь я бессвязно бормочу, вспоминая фрагменты из пьес, о которых теперь мало кто знает и которые мало кому интересны, например, сцену на кладбище из «Нашего городка», или игру в покер в «Трамвае «Желание» Теннесси Уильямса, или слова жены Вилли Ломена в «Смерти коммивояжера» Артура Миллера, которые она произносит после того, как этот трагически заурядный, неуклюже галантный американец покончил с собой.

Она говорит: «К нему надо быть очень чутким. Чуткости заслуживает этот человек, понимаешь?»³

В «Трамвае «Желание», когда Бланш Дюбуа увозят в психушку после того, как ее изнасиловал муж сестры, она говорит: «Всю жизнь я зависела от доброты первого встречного».

Эти реплики, эти ситуации, эти люди стали важными вехами моего эмоционального и этического взросления, и до сих пор – а сейчас у нас лето 1996-го – не утратили силы воздействия. И я скажу почему: потому что впервые я увидел их в театре, и рядом были другие люди, так же, как я, замороженные происходившим на сцене.

Если бы я смотрел их в одиночестве, пялясь в электронно-лучевую трубку и жуя кукурузные чипсы, они бы не произвели на меня впечатления. Во всяком случае, не больше, чем «Футбольный клуб по понедельникам».

На заре телевидения, когда в эфир выходило от силы полдюжины каналов, умные, хорошо написанные драматические постановки в ящике с электронно-лучевой трубкой по-прежнему заставляли нас чувствовать свою сопричастность к некоей общей внимательной аудитории, пусть даже каждый сидел в одиночестве у себя дома. Тогда, при таком ограниченном выборе программ, можно было практически не сомневаться, что друзья и соседи смотрели то же самое, что и мы. Тогда телевидение еще казалось нам чудом.

² Перевод Ю. Родман.

³ Перевод Е. Голышевой и Б. Изакова.

Мы даже звонили друзьям в тот же вечер и задавали вопрос, на который заранее знали ответ: «Ты *смотрел*, да? Скажи, класс!»

Но то было раньше.

7

Если бы мне дали возможность прожить жизнь заново, я бы ни за что на свете не пропустил ни Великую депрессию, ни Вторую мировую войну. На пляжном пикнике Траут сказал, что наша война, в отличие от всех других войн, обретет вечную жизнь в шоу-бизнесе, благодаря нацистской военной форме.

Он очень неодобрительно отозвался о современном камуфляже наших генералов, в котором они выступают по телику, когда рассказывают о том, как мы бомбим и утюжим очередную страну Третьего мира из-за нефти. «Это вроде как маскировочные костюмы, – сказал Килгор Траут, – но я не знаю ни одного уголка на Земле, где можно замаскироваться в такой вот веселенькой пижаме».

Он сказал: «Видимо, у наших есть данные, что Третья мировая война будет идти посреди гигантского омлета по-испански. Вот они и готовятся».

Он спросил, много ли у меня родственников, которые были ранены на войне. Не обязательно на Второй мировой, а вообще на любой войне. Насколько я знаю, у меня только один такой родственник: мой прадед. Питер Либер, иммигрант. Он воевал в нашей Гражданской войне, был ранен в ногу, после чего поселился в Индианаполисе и открыл там пивоварню. Прадед был вольнодумцем, как тогда называли атеистов, то есть скептиков по отношению к религии. Вольнодумцами были Вольтер, Томас Джефферсон, Бенджамин Франклин и многие другие. Вольнодумцами были мы с Траутом.

Я рассказал Трауту, что в отряде Питера Либера служили одни вольнодумцы из Германии, а их командир, американец английского происхождения, зачитывал им отрывки из Библии для укрепления морального духа. В ответ Траут рассказал мне свою версию Книги Бытия.

К счастью, у меня был с собой диктофон.

«Я тебя очень прошу, прекрати жевать и послушай, – сказал Килгор Траут. – Это важно». Он умолк на мгновение и поправил верхнюю вставную челюсть, которая никак не хотела держаться и постоянно соскакивала. Он прижал ее к небу большим пальцем левой руки. Траут был левшой, как и я сам – пока меня не переучили в детстве, – как и мои дочери Эдит и Лили, или, как мы называем их ласково, Эдди Пышка и Лили-путик.

«В начале не было ничего, то есть *вообще ничего*, – сказал Траут. – Это было сплошное ничто. Но любое ничто предполагает наличие чего-то. Иными словами, раз есть ничто, значит, должно быть и нечто. Точно так же, как если есть верх, обязательно должен быть низ. Если есть сладость, должна быть и горечь. Есть мужчина – должна быть и женщина. Пьянство – трезвость, радость – грусть. Не хочу вас огорчать, дорогие друзья и соседи, но все мы – лишь мелкие следствия некоей невероятно огромной причины. А кому это не нравится, пусть идет лесом».

«Первое нечто, первое следствие из ничто, первое предположение бытия, – продолжал Траут, – проявилось в виде двух нечто: Бога и Сатаны. Бог был мужчиной, Сатана – женщиной. Они существовали в нерушимом единстве, поскольку взаимно подразумевали друг друга, а значит, были равны в формирующейся иерархии власти, которая сама по себе представляла лишь следствие из единства противоположностей. Сила возникла как следствие слабости, слабость – как следствие силы».

«Бог сотворил небо и землю, – продолжал старый, давно не издававшийся писатель-фантаст. – Земля же была безвидна, и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою. Сатана могла бы и сама сотворить мир, но считала, что это глупо: действие ради самого действия. И какой в этом смысл? Но поначалу она ничего не сказала».

«Однако она не на шутку встревожилась, когда Бог сказал: «Да будет свет!», – и стал свет. Сатана призадумалась: «Какого черта Он делает? И как далеко Он намерен зайти? Кстати, пусть не надеется, что я буду Ему помогать. Пусть теперь сам разбирается с этим дурдомом!»

«А потом все уже по-настоящему встало раком. Бог сотворил мужчину и женщину, прекрасные миниатюрные копии Его самого и Сатаны, и дал им свободу, и предоставил самим себе, и стал смотреть, что с ними будет. «Райский сад, – сказал Траут, – может считаться прообразом Колизея и вообще всякой арены для гладиаторских боев».

«Сатана, – продолжал Траут, – не могла отменить то, что сделано Богом. Но по крайней мере она могла попытаться облегчить жизнь людям – Его ни в чем не повинным игрушкам. Она видела то, чего сам Бог не видел в упор. Жить – это значит одно из двух: либо томиться от скуки, либо обмирать от страха. И Сатана взяла яблоко и наполнила его всевозможными идеями, которые могли помочь людям хотя бы развеять скуку. Там были правила карточных игр и игр в кости, и пояснения, как трахаться, и рецепты пива, вина и виски, и картинки с растениями, которые можно курить, и т. д., и т. п. И инструкции, как сделать музыку, песни и танцы по-настоящему безумными и сексуальными. И как материться, когда ударишься обо что-то ногой».

«Сатана поручила змею передать яблоко Еве. И взяла Ева яблоко, и вкусила, и ела, и дала также Адаму. И Адам тоже ел, а потом они трахались».

«Разумеется, не обошлось и без некоторых неприятных последствий, – сказал Килгор Траут. – Можешь даже не сомневаться. Кое-кто из вкусивших идей, заключенных в яблоке, пострадал от тяжелых побочных действий». Тут надо заметить, что сам Траут не пил, не употреблял никакие наркотики, не играл в азартные игры и уж точно не был сексуальным маньяком. Он всего лишь писал, сочинял истории.

«Сатана просто хотела помочь. И во многом действительно помогла, – заключил Траут. – Да, иной раз у ее патентованных препаратов обнаруживались совершенно кошмарные побочные действия, но то же самое можно сказать и о современных фармацевтических компаниях с самой что ни на есть солидной репутацией».

8

Побочные действия крепких напитков, приготовленных по сатанинским рецептам, загубили немало великих американских писателей. Во «Времетраении-1» я придумал воображаемый пансионат для престарелых писателей под названием «Занаду», где каждый из четырех номеров класса люкс носил имя американского автора-лауреата Нобелевской премии по литературе. «Эрнест Хемингуэй» и «Юджин О'Нил» располагались в особняке, на втором этаже. «Синклер Льюис» – на третьем. «Джон Стейнбек» – в пристройке, в бывшем каретном сарае.

Когда Килгор Траут только приехал в «Занаду» спустя пару недель после того, как нас всех снова пришибло свободой воли, он воскликнул: «Эти ваши герои чернил и бумаги – все четверо – были законченными алкашами!»

Уильяма Сарояна сгубили азартные игры. Те же игры вкупе с алкоголем угробили журналиста Элвина Дэвиса, моего доброго друга, которого мне так не хватает. Однажды я спросил Эла, чем его так возбуждают азартные игры, и была ли такая игра, которая «вставила» ему круче всех. Он сказал, что была. Когда он просадил все свои деньги, просидев чуть ли не сутки за покером.

Он ушел, но через пару часов вернулся. Вернулся с деньгами, которые насобирали где только смог: что-то занял у друга, что-то взял у ростовщика, что-то выручил в ломбарде. Он сел за стол и сказал: «Раздавай».

Покойный британский философ Бертран Рассел говорил, что существует три вредных привычки, из-за которых он терял друзей: алкоголь, религия и шахматы. У Килгора Траута было свое пагубное пристрастие: он составлял своеобразные конструкции, расположенные горизонтальными линиями – конструкции из двадцати шести фонетических знаков, десяти цифр и приблизительно восьми знаков препинания, – и закреплял их чернилами на отбеленной и раскатанной древесной пульпе. Он был черной дырой для любого, кто мнил себя его другом.

Я был женат дважды, один раз развелся. Обе мои жены – сначала Джейн, а теперь Джилл – не раз говорили, что в этом смысле я вылитый Траут.

У моей матери была стойкая зависимость от богатства, от многочисленных слуг и неограниченных кредитов, от роскошных званых обедов и частых поездок в Европу первым классом. Так что можно сказать, что во время Великой депрессии у нее наступила ломка. Абстинентный синдром.

Культурный шок. *Деадаптация.*

Деадаптация в данном случае означает, что человек неожиданно осознает, что окружающий мир изменился, а вместе с ним изменилось и его собственное положение. К нему уже не относятся так, как раньше – как он привык, чтобы к нему относились. Экономический кризис, появление новых технологий, иноземная оккупация и государственный переворот – все эти факторы в одночасье вгоняют людей в состояние острой деадаптации.

Как писал Траут в рассказе «Американское семейство, застрявшее на планете Плутон»: «Ничто так эффективно не губит любовь, как неожиданное открытие, что твое поведение, которое прежде считалось приемлемым, теперь стало смешным и нелепым». А на пикнике в 2001 году он сказал: «Если бы я не приучил себя жить без культуры и общества, меня бы уже тысячу раз прибило деадаптацией, и от меня бы давно ничего не осталось».

Во «Времетраении-1» я своим авторским произволом заставил Траута выкинуть «Сестричек Б-36» в мусорный бак, прикованный цепью к пожарному гидранту перед зданием Американской академии искусств и литературы, располагавшейся у черта на куличках, на 155-й улице в западном Манхэттене, в двух шагах к западу от Бродвея. Дело было в сочельник, в 2000 году, то есть якобы за пятьдесят один день до того, как времетраение отбросило всех и вся обратно в 1991 год.

Члены академии, писал я, имели пагубное пристрастие творить старомодное искусство старомодными средствами, безо всяких компьютеров, и поэтому переживали острую деадаптацию. В этом смысле они напоминали двух «артистичных сестричек» с матриархальной планеты Бубу в Туманности Краба.

Американская академия искусств и литературы существует на самом деле. Ее центральное управление, совершенно роскошное здание, больше похожее на дворец, стоит именно там, где я поместил его во «Времетраении-1». Перед входом действительно стоит пожарный гидрант. А в самом здании действительно располагаются библиотека, картинная галерея, банкетные залы, залы заседаний, рабочие кабинеты для служащих и огромный лекторий.

Согласно закону, принятому конгрессом в 1916 году, количество действительных членов академии не должно превышать 250 человек. Действительными членами академии могут быть американские граждане, имеющие выдающиеся достижения в области литературы и изящных искусств, то есть известные прозаики, драматурги, поэты, историки, эссеисты, критики, ком-

позиторы, архитекторы, художники или скульпторы. Беспощадный Жнец – смерть, – как и пристало жнецу, регулярно выкашивает их ряды. Задача оставшихся – предлагать кандидатуры, а потом избирать тайным голосованием тех, кто займет освободившиеся места.

Среди основателей академии были старомодные писатели: Генри Адамс, оба Джеймса, Уильям и Генри, и Самуэль Клеменс, – и старомодный композитор Эдвард Макдауэл. Их аудитория была заведомо невелика. Для работы им были нужны только свои мозги.

Во «Времетражении-1» я писал, что в 2000 году подобные им мастера считались, по мнению широкой общественности, «такими же странными анахронизмами, как и современные мастеровые в туристических городках Новой Англии, которые до сих пор занимаются изготовлением игрушечных мельниц-вертушек, известных еще с колониальных времен».

9

Основатели академии, созданной на рубеже веков, были современниками всемирно известного изобретателя Томаса Алвы Эдисона. Среди прочего он изобрел звукозапись и кинематограф. Но до Второй мировой войны эти поистине эпохальные проекты, которые теперь завладели вниманием миллионов людей в планетарном масштабе, считались лишь жалким подобием жизни – скрежетом и мельтешением, пасквилем на реальность.

Академия заняла свое нынешнее помещение в 1923 году – в здании, построенном фирмой «Макким, Мид и Уайт» на деньги известного филантропа Арчера Милтона Хантингтона. В том же году американский изобретатель Ли де Форест продемонстрировал публике устройство, позволявшее записывать на киноленту не только изображение, но и звук.

Во «Времетражении-1» у меня была сцена в кабинете Моника Пеппер, вымышленного ответственного секретаря академии. Дело было в сочельник 2000 года, уже ближе к вечеру. Примерно в то же время, когда Килгор Траут выкинул рукопись «Сестричек Б-36» в мусорный бак перед входом в здание академии, опять же за пятьдесят один день до того, как ударило времетрасение.

Миссис Пеппер, супруга парализованного композитора Золтана Пеппера, прикованного к инвалидной коляске, была поразительно похожа на мою покойную сестру Элли, которая так ненавидела жизнь. Элли умерла от рака в теперь уже необозримо далеком 1958 году, когда мне было тридцать шесть, а ей – сорок один, и буквально до самого конца на нее наседали кредиторы. И Элли, и Моника были хорошенькими блондинками, что само по себе неплохо – но ростом шесть футов два дюйма! В юности обе страдали от непреходящей дезадаптации, поскольку нигде на Земле, кроме как в племени ватуси, женщине нет никакого особого смысла быть такой рослой.

Обеим катастрофически не повезло. Элли вышла замуж за славного парня, который несколько раз затевал свое дело – какой-нибудь совершенно дурацкий бизнес – и каждый раз прогорал. В конечном итоге они остались без гроша в кармане и в долгах как в шелках. Моника Пеппер искалечила собственного мужа, так что у него отнялись ноги и вообще все ниже пояса. За два года до этой сцены в кабинете – в сочельник 2000 года – Моника прыгнула с вышки в бассейне в Аспене, штат Колорадо, и по нелепой случайности упала прямо на Золтана. Но Элли все-таки повезло больше. Да, она умерла в долгах, и четверо ее сыновей рано остались без матери, но она умерла лишь единожды. А Монике Пеппер после времетрасения пришлось опять прыгать с вышки прямо на спину собственного мужа.

В тот вечер, в канун Рождества 2000 года, супруги Пеппер сидели у Моника в кабинете и разговаривали. Золтан не знал, плакать ему или смеяться, и поэтому смеялся и плакал одновременно. Они с Моникой родились в один год, обоим было по сорок, то есть оба принадлежали к

так называемому поколению беби-бума. Детей у них не было. Из-за Моники Золтанов дружок утратил работоспособность и больше не мог делать «динь-динь». Золтан смеялся и плакал и по этому поводу тоже, но конкретно сейчас главной причиной для смеха сквозь слезы был соседский мальчишка. При полном отсутствии слуха этот мелкий вредитель сочинил и соркестровал очень даже пристойную, пусть и вторичную, пьесу для струнного квартета в манере Бетховена – с помощью новой компьютерной программы под названием «Вольфганг».

А папаша этого нахального юнца не придумал ничего лучше, чем показать Золтану ноты, которые его сынок распечатал на принтере, и спросить, есть в этом что-нибудь или нет.

Золтан и без того пребывал в полном душевном раздрае. Как будто ему было мало парализованных ног и неспособности делать «динь-динь», всего лишь месяцем раньше его старший брат Фрэнк, архитектор, покончил с собой из-за очень похожего случая, нанесшего непоправимый удар по его самолюбию. Да, а еще через год грянуло времетрасение и подняло Фрэнка Пеппера из могилы, чтобы он еще раз вышиб себе мозги на глазах у жены и троих детей.

Так вот, Фрэнк забежал в аптеку за презервативами, или жвачкой, или что там ему было нужно, и аптекарь сказал ему, что его шестнадцатилетняя дочь стала архитектором и подумывает бросить школу, чтобы не тратить зря время на всякую ерунду. Она спроектировала здание подросткового клуба для детей из бедных районов с помощью новой компьютерной программы, которую школа купила для факультативных занятий учащихся профтехучилищ – безнадежных болванов, не сумевших окончить среднюю школу. Программа называлась «Палладио».

Фрэнк отправился в компьютерный магазин и сказал, что собирается приобрести «Палладио», но сперва ему хочется опробовать программу. Он ни капельки не сомневался, что для специалиста его уровня, с его прирожденным талантом и образованием, этот самый «Палладио» ничего нового не откроет. Однако буквально через полчаса, прямо там, в магазине, программа выполнила задачу, которую задал ей Фрэнк, и выдала готовый рабочий проект трехэтажного гаража в стиле Томаса Джефферсона.

Фрэнк придумал самое бредовое задание, на какое хватило фантазии, и был на сто процентов уверен, что с такими запросами программа пошлет его куда подальше. Но нет! «Палладио» выкидал одно меню за другим, запрашивал данные, в каком городе будет построен гараж – информация, необходимая для того, чтобы соблюсти местные нормы строительства, – и сколько там предполагается разместить автомобилей, и каких именно автомобилей, потому что не все гаражи рассчитаны на прием грузового автотранспорта, и т. д., и т. п. Программа даже поинтересовалась окружающим архитектурным ансамблем, чтобы просчитать, будет ли гармонировать с ним здание, построенное в джефферсоновском стиле. И предложила сделать альтернативный проект в стиле Майкла Грейвса или И. М. Пея.

А также составила схемы электропроводки и водоснабжения и выдала примерную смету строительства данного объекта в любой точке земного шара.

После чего Фрэнк вернулся домой и покончил с собой в первый раз.

Смеясь и плача – там и тогда, в кабинете жены, в академии, в первый из двух сочельников 2000 года, – Золтан Пеппер сказал своей симпатичной, но неуклюжей жене: «Раньше, когда человек катастрофически не справлялся со своей работой и вообще не понимал, что к чему, про него говорили, что у него мозги с наперсток. А сейчас мы работаем с мозгами, которые приходится брать *пинцетом*».

Речь шла, конечно же, о микросхемах.

Элли умерла в Нью-Джерси. И сама Элли, и Джим, ее муж, который тоже был родом из «штата верзил», похоронены на кладбище Краун-Хилл в Индианаполисе. Там же покоится и поэт Джеймс Уитком Райли, «певец мужланов», убежденный холостяк, пьяница и дебошир. И всеобщий любимец Джон Диллинджер, знаменитый в тридцатые годы грабитель банков. И наши родители, Курт и Эдит, и младший брат отца Алекс Воннегут, выпускник Гарварда, страховой агент, который всегда обращал внимание на все хорошее, что происходило вокруг, и каждый раз говорил вслух и с чувством: «Как же здорово, правда?» Все они похоронены здесь. Как и родители наших родителей, и их родители тоже: пивовар, архитектор, торговцы и музыканты – разумеется, с женами.

Все в сборе!

Джон Диллинджер, мальчишка с фермы, однажды сбежал из тюрьмы, угрожая охранникам деревянным пистолетом, который он выстрогал из доски от разбитого стирального корыта и выкрасил в черный цвет сапожной ваксой! Он был такой *выдумщик*. Будучи в бегах, грабя банки и скрываясь в глуши, Диллинджер написал Генри Форду восторженное письмо, в котором поблагодарил старого антисемита за то, что тот выпускает такие шустрые и проворные машины, как будто специально созданные для того, чтобы уходить от погони!

В те времена еще было возможно уйти от полиции, если ты лучше водил машину и ехал на более мощном автомобиле. Кстати, о птичках. Вот пример *честной игры*! За то мы и ратуем здесь, в Америке: *равные условия для всех*! И Диллинджер грабил только богатых, брал только банки с вооруженной охраной и всегда *только сам и в открытую*.

Диллинджер не был хитрым и жадным до денег мошенником. Он был настоящим *спортсменом*.

Наши школьные библиотеки до сих пор подвергаются периодическим чисткам на предмет выявления и ликвидации подрывных элементов, то есть книг, вредных для юношества. Однако две самые вредные книжки остаются нетронутыми и не вызывают вообще никаких подозрений. Одна из них – это история о Робине Гуде. Джона Диллинджера уж никак не назовешь высокообразованным человеком, но даже он вдохновился идеями этой книги: для него она стала программой, каким должен быть настоящий мужчина, – причем не только программой, но и прямым *руководством к действию*.

В те времена детям из простых американских семей, не озабоченных интеллектуальным развитием, не забивали мозги бесчисленными историями из телеящика. Им читали какие-то книжки, но редко и мало. И сами дети читали не так чтобы запоем, и поэтому запоминали истории из книг и, может быть, даже чему-то учились. Во всем англоговорящем мире читали «Золушку». И «Гадкого утенка». И истории про Робина Гуда.

И есть еще одна вредная история под стать Робину Гуду, которая в отличие от «Золушки» и «Гадкого утенка» насквозь пронизана неуважением к общепризнанным авторитетам. Я имею в виду житие Иисуса Христа, как оно описано в Новом Завете.

По приказу Эдгара Гувера, директора ФБР, холостяка и гомосексуалиста, фэбээровцы прикончили Диллинджера – расстреляли в упор, когда он выходил из кинотеатра со своей подружкой. Он никому не угрожал, не размахивал пистолетом. Он не рванулся бежать, не попытался укрыться в толпе. Как и все остальные, кто был в кинотеатре, он просто вышел в реальный мир после кино, пробуждаясь от грез. А убили его потому, что он слишком долго выставлял фэбээровцев просто-напросто шляпными болванами – в то время все поголовно сотрудники Бюро носили мягкие фетровые шляпы.

Это было в 1934 году. Мне было одиннадцать. Элли – шестнадцать. Элли горько рыдала и бесилась от злости, и мы оба отчаянно ругали девуцу, с которой Диллинджер был в кино. Эта *сучка*, по-другому ее и не назовешь, рассказала федералам, где будет Диллинджер в тот вечер. Она сказала, что наденет оранжевое платье. А невзрачный, непримечательный парень, который выйдет с ней из кинотеатра – это и будет тот самый опасный преступник, которого педерастичный директор ФБР объявил первым врагом государства.

Эта девица была венгеркой. Как говорится в старинной пословице: «У кого есть в друзьях венгр, тому уже не нужны враги».

Потом Элли сфотографировалась рядом с могилой Диллинджера на Краун-Хилл, недалеко от кладбищенской ограды на Тридцать восьмой улице. Я сам иногда приходил туда стрелять ворон из полуавтоматической винтовки 22-го калибра, которую наш повернутый на огнестрельном оружии отец подарил мне на день рождения. В то время вороны считались врагами рода человеческого. Им только дай – поклюют весь урожай.

Один мой знакомый мальчишка подстрелил беркута. Вот это был размах крыльев!

Элли ненавидела охоту такой лютой ненавистью, что я бросил это занятие, и наш отец – тоже. Я уже где-то писал, что папа увлекся оружием и охотой, чтобы доказать всем и вся, что, несмотря на свою сопричастность изящным искусствам – он был архитектором, живописцем и гончаром, – он настоящий мужик, а не какой-то изнеженный, женоподобный хлюпик. Я сам не раз говорил на своих выступлениях: «Если вам хочется по-настоящему расстроить родителей, но у вас не хватает смелости заделаться гомосексуалистом, вы всегда можете стать человеком искусства».

Папа нашел другой способ продемонстрировать свою мужественность: стал ходить на рыбалку. Но потом Берни, мой старший брат, испортил ему и это удовольствие тоже. Он сказал папе, что с тем же успехом можно было бы заколачивать гвозди микроскопом или расплющить молотком швейцарские часы.

На пикнике в 2001 году я рассказал Килгору Трауту, как мои брат с сестрой довели отца до того, что тому стало стыдно за свое увлечение охотой и рыбалкой. Траут в ответ процитировал Шекспира: «Во сколько раз острее зубов змеиных неблагодарность детища!»⁴

Траут был самоучкой, он даже не окончил среднюю школу. Я слегка удивился, что он цитирует Шекспира, и спросил, много ли фраз из работ этого замечательного драматурга он знает вот так – наизусть. Траут ответил мне: «Да, уважаемый коллега, включая и фразу, которая дает нам настолько исчерпывающую характеристику человеческой жизни, что после нее можно было вообще ничего не писать».

Я спросил: «И что это за фраза, мистер Траут?»

И он ответил: «Весь мир – театр, а люди – лишь актеры».

11

Прошлой весной я написал письмо одному старому другу. Я попробовал ему объяснить, почему у меня больше не получается писать более или менее пристойные вещи, годные для публикации – хотя я честно пытаюсь, уже много лет. Этого друга зовут Эдвард Мьюир. Он мой ровесник, поэт и рекламный агент из Скарсдейла. В романе «Колыбель для кошки» я говорил, что если вы обнаружите, что ваша жизнь переплелась с жизнью чужого человека без особых на то причин, этот человек скорее всего член вашего *караса*, команды, которую создал Бог, чтобы люди, входящие в эту команду, выполняли Его божью волю, не ведая, что творят. Эд Мьюир, несомненно, член моего *караса*.

⁴ Перевод Александра Дружинина.

Судите сами: когда я учился в Чикагском университете после Второй мировой войны, Эд там тоже учился, хотя тогда мы не встретились. Когда я переехал в Скенектади, штат Нью-Йорк, и устроился на работу в рекламный отдел «General Electric», Эд тоже приехал в Скенектади – его пригласили на должность преподавателя в Колледж Союза. Когда я ушел из GE и перебрался в Кейп-Код, он появился в Кейп-Коде – приехал туда набирать людей для участия в программе «Великие книги». Там-то мы наконец и встретились, и уж не знаю, была ли на то Божья воля, но мы с Джейн, моей первой женой, возглавили проект «Великие книги».

Потом Эд уехал в Бостон и устроился в рекламное агентство. В то время я тоже работал в рекламном агентстве, причем не зная о том, чем занимается Эд. Когда он развелся со своей первой женой, у меня тоже как раз был развод. А теперь мы оба живем в Нью-Йорке. Но я сейчас говорил о другом: когда я написал Эду письмо, жалуясь на затяжной творческий кризис, он переделал его в стихотворение и отослал мне обратно.

В стихотворение не вошла фраза приветствия и первый абзац из письма, в котором я всячески расхваливал книгу «Читательский кризис» Дэвида Марксона, бывшего ученика Эда в Колледже Союза. Помнится, я еще высказался в том смысле, что Дэвиду не за что быть благодарным Судьбе: да, он написал отличную книгу, но в наше время хорошими книгами уже никого не сразишь. Что-то типа того. У меня не сохранилась копия моего письма в прозе. Но вот его стихотворный вариант:

Не за что быть благодарным Судьбе.
Когда мы уйдем, не останется уже никого,
Кто способен испытывать бурный восторг
От слов, расположенных на бумаге.
Никого, кто способен понять, как это классно.

Похоже, я болен. Моя болезнь
Чем-то сродни амбулаторной пневмонии.
Амбулаторный творческий запор —
Назовем ее так.

Каждый день я пытаюсь писать,
Но это напрасная трата чернил и бумаги.
Ничего стоящего не выходит.

Из «Бойни номер пять» сделали оперу —
Постарался какой-то молоденький немец.
В июне в Мюнхене будет премьера.
Я туда не поеду.
Мне неинтересно.

Мне нравится бритва Оккама,
Или закон экономии, согласно которому
Из всех объяснений какого-либо явления
Самым верным следует считать
Самое простое.

Дэвид мне подсказал объяснение.
И теперь я уверен, что творческий кризис —
Это то же бессилие, которое вдруг накрывает,

Когда понимаешь, что жизнь наших близких
На самом деле закончилась вовсе не так,
Как мы им желали – и так отчаянно болели за них...
Литература – это лишь вопли болельщиков на трибунах
В поддержку проигрывающей команды.

Вот как-то так.

* * *

В общем, Эд переделал мое письмо, и это было действительно мило с его стороны. Кстати, вот вам еще одна замечательная история из жизни Эдварда Мьюира – из тех времен, когда он разъезжал по стране, набирая участников в проект «Великие книги». Эдвин – малоизвестный поэт, время от времени его стихи публикуют в «The Atlantic Monthly» и в еще нескольких подобных журналах. Однако он почти полный тезка очень известного шотландского поэта Эдвина Мьюира, умершего в 1959 году. Люди, не особенно искушенные в литературе, иногда спрашивали у Эда: «Так вы *тот самый* поэт?», – имея в виду Эдвина.

Однажды какая-то женщина тоже спросила его: «Вы *тот самый* поэт?» – и ужасно расстроилась, когда Эд ответил, что нет. А расстроилась она потому, что ей очень нравилось стихотворение «Поэт укрывает спящего ребенка» – одно из самых ее любимых. А теперь внимание: это стихотворение написал американец Эд Мьюир.

12

Жалко, что это не я написал «Наш городок». Жалко, что это не я изобрел роликовые коньки.

Я спрашивал Э. Э. Хотчнера, друга и биографа ныне покойного Эрнеста Хемингуэя, было ли такое хоть раз, чтобы Хемингуэй стрелял в человека (самоубийство не в счет). Хотчнер сказал: «Нет».

Я спрашивал ныне покойного Генриха Белля, великого немецкого писателя-романиста, что ему больше всего не нравится в немцах. Он сказал: «Их послушание».

* * *

Я спрашивал одного из моих усыновленных племянников, как, с его точки зрения, я танцую. Он сказал: «В общем, сносно».

Когда я устроился в агентство промышленной рекламы в Бостоне – я в то время сидел без гроша и был согласен на любую работу, – тамошний бухгалтер спросил меня, что за странная фамилия Воннегут. Я ответил, что это немецкая фамилия. Он сказал: «Немцы убили шесть миллионов моих соплеменников».

Хотите знать, почему я в отличие от многих не болен СПИДом? Все очень просто. Я не сплю с кем попало.

Траут придумал историю, почему вирус СПИДа и новые штаммы сифилиса, триппера и прочих венерических «радостей» в последнее время как будто взбесились.

1 сентября 1945 года, сразу после окончания Второй мировой войны, представители всех химических элементов провели общее собрание на планете Тральфамадор. Они собрались, чтобы выразить свой протест против того, что некоторым из членов их дружного братства поневоле приходится составлять из себя тела этих больших, неопрятных, вонючих, донельзя тупых и жестоких живых организмов, именуемых человеческими существами.

Элементы, никогда не входившие в состав человеческих организмов – к примеру, полоний и иттербий, – все равно были до крайности возмущены, что *кому бы то ни было* из химических элементов приходится терпеть подобное издевательство.

Углерод, повидавший на своем веку немало зверских расправ и резни, каковыми отмечена вся человеческая история, обратил особое внимание собравшихся на одну-единственную публичную казнь. Казнили человека, обвиненного в предательстве. Дело было в Англии, в пятнадцатом веке. Этого человека повесили, но не дали задохнуться до смерти – привели в чувство и вспороли ему живот.

Палач вытащил наружу кишки казнимого и прижег их факелом в нескольких местах. Причем человек все чувствовал, поскольку ему хоть и вырвали кишки, но не отделили их от тела. Потом палач и его помощники привязали несчастного за руки и ноги к четырем лошадям.

Лошадей пустили вскачь, и они разорвали беднягу на четыре куска. Эти куски насадили на крюки для мяса и вывесили на всеобщее обозрение на рыночной площади.

По словам Траута, еще до начала собрания элементы договорились, что никто не будет рассказывать о тех ужасах, которые взрослые человеческие существа вытворяют с детьми. Некоторые делегаты пригрозили бойкотировать совещание, если им придется выслушивать подобную мерзость. Да и какой в этом смысл?

«То, что взрослые делают со взрослыми, уже само по себе служит достаточным основанием для того, чтобы полностью истребить род человеческий, – говорил Траут. – И ни к чему пересказывать все *ad nauseam*⁵, которые взрослые вытворяют с детьми. Зачем наводить на лилию белила⁶?»

Азот, чуть не плача, говорил о том, как во время Второй мировой войны он стал невольным помощником нацистских охранников и медиков в лагерях смерти. Калий рассказывал страшные истории об Испанской инквизиции, кальций – о гладиаторских боях в Древнем Риме, кислород – об издевательствах над чернокожими рабами.

Натрий высказался в том смысле, что дальше можно не продолжать. Все и так ясно, как день. Он предложил всем элементам, задействованным в медицинских исследованиях, по мере возможности объединиться и создать еще более сильные антибиотики, что, в свою очередь, ускорит мутацию вирусов и появление новых штаммов, невосприимчивых к антибиотикам.

И уже в скором времени, предсказывал натрий, любая болезнь человека – даже легкое недомогание, даже прыщи и раздражение кожи в паху, – станет не только неизлечимой, но и смертельной. «Человечество вымрет, – заявил натрий в передаче Килгора Траута. – И все химические элементы снова будут чисты и безгрешны, как это было вначале, при рождении Вселенной».

Железо и магний одобрили предложение натрия. Фосфор поставил вопрос на голосование. Предложение было принято единогласно.

⁵ До отвращения (*лат.*). Здесь – мерзости, отвратительные вещи.

⁶ Аллюзия на фразу из исторической пьесы Шекспира «Король Иоанн». Выражение «наводить на лилию белила» вошло в английский язык как идиома, обозначающая склонность к пустым излишествах или стремление украсить что-то, что и так достаточно красиво. – *Примеч. пер.*

13

Килгор Траут находился буквально в двух шагах от Американской академии искусств и литературы – в тот вечер, в сочельник 2000 года, когда парализованный композитор Золтан Пеппер сказал жене, что сейчас мы работаем с мозгами, которые приходится брать пинцетом, и разразился гневной тирадой насчет всеобщего помешательства, выражающегося в стремлении заставлять людей соревноваться с машинами, которые заведомо их умнее. Но Траут не мог его слышать. Их разделяла толстая каменная стена.

Пеппер задал риторический вопрос: «А это вообще обязательно – унижать нас с такой изощренной изобретательностью? Да еще при таких затратах? Мы, собственно, и никогда не считали себя шибко умными».

Траут сидел на своей койке в приюте для бездомных. Возможно, самый плодовитый за всю историю литературы писатель, работавший в жанре рассказа, был задержан полицией при облаве в Нью-Йоркской публичной библиотеке на углу Пятой авеню и Сорок второй улицы. И самого Траута, и еще три десятка бездомных, живших в библиотеке – Траут называл их «священным скотом», – загнали в черный школьный автобус и сдали в приют, располагавшийся у черта на куличках, на 155-й улице в западном Манхэттене, в здании бывшего Музея американских индейцев.

Сам музей еще пять лет назад переехал в более безопасный район вместе со всеми детритами практически уничтоженных аборигенов и диорамами, изображавшими жизнь индейцев до того, как все встало раком.

11 ноября 2000 года Трауту исполнилось восемьдесят четыре. В День труда в 2001 году ему все еще будет восемьдесят четыре. Но к тому времени землетрясение подарит ему – и всем нам – неожиданный *бонус*, если можно его так назвать, в виде еще одного десятилетия, прибавленного к времени жизни.

Когда закончатся эти повторные десять лет, Траут напишет в своих мемуарах под названием «Мои десять лет на автопилоте», в книге, которая так и останется незавершенной: «Слушайте, что-то же тащит нас через эти колючки. Если не времетрасение, значит, что-то другое – не менее мощное и пакостное».

«Этот человек, – писал я во «Времетраении-1», – был единственным ребенком в семье. Когда ему было двенадцать, его отец, университетский профессор в Нортгемптоне, штат Массачусетс, убил его мать».

Я писал, что с осени 1975 года Траут пустился бродяжничать и взял в привычку выбрасывать свои рассказы на помойку вместо того, чтобы предлагать их издательствам. Это случилось после того, как Траут узнал о смерти своего единственного сына Лиона, дезертира из Корпуса морской пехоты США. Я писал, что Лиону отрезало голову в результате несчастного случая на верфи в Швеции, где тот получил политическое убежище и работал сварщиком на судостроительном заводе.

Я писал, что Траут стал бомжом в пятьдесят девять лет, и с тех пор у него больше не было дома, и лишь незадолго до смерти ему дали номер люкс имени Эрнеста Хемингуэя в доме отдыха для престарелых писателей «Занаду».

Когда Траута привезли в бывший Музей американских индейцев – бывшее напоминание о самом длительном и широкомасштабном геноциде в истории, – «Сестрички Б-36», так сказать, жгли ему карман. Траут закончил рассказ еще в публичной библиотеке, но не успел от него избавиться – из-за полицейской облавы.

Так что он, не снимая матросской шинели, которой разжился на благотворительной раздаче излишков военного имущества, сказал клерку в приюте, что его зовут Винсент Ван Гог и что у него не осталось вообще никого из родных – и сразу же вышел обратно на улицу, где стоял настоящий дубак. Холодрыга была такая, что даже у бронзовых памятников отморозило яйца. Так что Траут не стал отходить далеко от приюта и выкинул рукопись в мусорный бак, прикованный цепью к пожарному гидранту перед зданием Американской академии искусств и литературы.

Когда он минут через десять вернулся в приют, клерк сказал: «Где же вы были, Винс? Мы скучали по вам», – и показал ему его койку. Койка стояла впрытык к стене, примыкающей к смежному зданию академии.

На другой, академической стороне этой стены, над столом Моники Пеппер висела картина Джорджии О'Киф. Выбеленный коровий череп на некрашеном голом полу. На стороне Траута, прямо над его койкой, висел плакат, призывавший его не совать свой прибор для «динь-диня» куда бы то ни было, не надев предварительно презерватив.

Потом Траут и Моника познакомятся, но уже после времетрасения, уже после того, как закончатся повторные десять лет, и нас всех опять пришибет свободой воли. Кстати, письменный стол в кабинете у Моники когда-то принадлежал писателю-романисту Генри Джеймсу. А стул – композитору и дирижеру Леонарду Бернстайну.

Когда Траут потом узнал, что его койка и ее письменный стол стояли так близко друг к другу в течение пятидесяти одного дня, остававшихся до времетрасения, он высказался примерно в таком ключе: «Будь у меня базука, я бы пробил большую дыру в этой стене между нами. Если бы мы оба остались живы, я бы спросил у тебя, что такая хорошая девчонка делает в таком мрачном месте?»

14

Там, в приюте, бомж с соседней койки пожелал Трауту счастливого Рождества. Траут ответил: «Дзинь-дзинь!»

Да, ответ вроде бы подходил к празднику: «дзинь-дзинь», «дин-дон» – напоминает перезвон колокольчиков на санях Санта Клауса. Но это было случайное совпадение. На самом деле Траут отвечал «дзинь-дзинем» всякий раз, когда к нему обращались с пустым дежурным приветствием типа «Как жизнь?», «Как дела» и тому подобное, независимо от времени года.

В зависимости от сопутствующих обстоятельств, от выражения лица, от того, каким тоном были сказаны эти слова, ответ Траута и вправду мог означать: «И вам тоже счастливого Рождества!» Но мог означать и прямо противоположное, как гавайское слово *aloha*,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.